

*Моим любимым,
которые не могут
разделить со мной
этот момент*

У меня есть сердце на каждый год моей жизни. Семнадцать штук, спрятанных в песках спальни. Время от времени я погружаю туда руки, просто чтобы убедиться, что сердца на месте. Глубоко похороненные и кровоточащие. Я пересчитываю их — а что, если ночью одно украли. Опасения мои вполне оправданы. Сердца — это сила, и если мой народ жаждет чего-то отчаяннее, чем океанских глубин, то именно ее.

Я слышала истории о потерянных сердцах и за гарпуненных женщинах, придавленных к океанскому дну в наказание за предательство. Оставленных страдать, покуда кровь их не станет солью, а сами они не растворятся в пене морской. Женщины эти забирают человеческие дары у своей родни.

В русалках больше рыбьего, чем плотского, и верхняя их — телесная — часть плавно перетекает в чешую. Вместо волос у них, в отличие от сирен, голубоватые отростки, а рты их могут растягивать-

ся до размеров небольшой лодки, позволяя заглатывать акул целиком. У русалок темно-синие тела и плавники вдоль рук и позвоночника. Они одновременно и люди, и рыбы, не получившие красоты ни от первых, ни от вторых.

Как и все чудовища, они могут быть смертельно опасны, но там, где сирены соблазняют и убивают, русалки сами поддаются людскому очарованию. Они воруют безделушки и преследуют корабли в надежде, что с палуб упадут сокровища. А иногда спасают жизни моряков и взамен не берут ничего, кроме талисманов. И человеческие сердца у нас русалки крадут не ради силы. Нет, они просто верят, что если съедят их достаточно, то и сами станут людьми.

Ненавижу русалок.

По моей спине змеятся волосы, красные, как и мой глаз — только левый, поскольку правый глаз каждой сирены всегда цвета моря, где она родилась. Для меня это великое море Дьяволос¹, где вода сияет яблочной зеленью и сапфирами. Смешиваясь, два оттенка создают нечто новое. Здесь скрыто подводное царство Кето².

О красоте сирен ходят легенды, но в кетонках течет королевская кровь, а это дарует особое

¹ Diavolos — греч. «ад».

² Ketó — др.-греч. «морское чудовище». Богиня морской пучины, а также чудовищ, обитающих в этих глубинах. В некоторых вариантах легенд Кето сама была морским чудовищем.

великолепие. Величие, выкованное соленой водой и царскими привилегиями. Ресницы наши сотканы из ледяной стружки айсбергов, губы окрашены кровью моряков. Даже странно, что для кражи сердец нам вообще нужна песня.

— Кого заберешь, кузина? — спрашивает Калья на псаарине.

Она сидит рядом со мной на скале, глядя на раскаивающийся вдалеке корабль. Ее чешуя темно-рыжая, а светлые волосы едва доходят до груди, прикрыты переплетенными оранжевыми водорослями.

— Что за глупый вопрос, — отвечаю я. — Ты знаешь кого.

Корабль лениво рассекает безмятежные воды близ Адекароса¹ — одного из человеческих королевств, которое я собираюсь лишить принца. Это судно меньше большинства и сделано из красного дерева, олицетворяющего цвета их родины.

Люди любят выставлять свои богатства напоказ, но это лишь превращает их в мишени для существ вроде нас с Кальей, что без проблем могут найти королевский корабль. В конце концов, у него единственного во всем флоте на флаге изображены дерево и тигр. И только на этом судне когда-либо плавал адекаросский принц.

Легкая добыча для желающих поохотиться.

¹ Adékaros — *греч.* «нищий».

Александра Кристо

Солнце давит мне на спину. Жар льнет к шее, отчего волосы липнут к влажной коже. Я жажду подводного холода, столь острого, что подобно дивным клинкам пронзает тело до костей.

— Очень жаль, — говорит Калья. — Шпионя за ним, я словно наблюдала за ангелом. Такое милое лицико!

— Сердце будет еще милее.

— Ты давненько не убивала, Лира, — дразнит она с сумасбродной улыбкой. — Уверена, что не утратила навык?

— Год — это не «давненько».

— Смотря кто считает.

Я вздыхаю:

— Тогда скажи кто, чтобы я их убила и покончила с этой болтовней.

Ухмылка Кальи порочна. Из тех, что она приберегает на случаи, когда я в особо грозном настроении, ибо жестокость для сирен вроде как важнее всего. Наша жестокость бесцenna. Дружеские и родственные чувства чужды нам так же, как земля. А верность мы храним лишь Морской королеве.

— Ты сегодня как никогда бессердечна.

— Вот уж сердец у меня всегда в достатке, — возражаю я. — Семнадцать штук под кроватью.

Калья выжимает воду из волос.

— Ты стольких принцев вкусила...

Она говорит об этом так, словно подобным можно гордиться, но Калья просто молода и забрала

всего два сердца. Ни одно не принадлежало особе королевских кровей. Это мой удел, моя территория. И к этому Калья относится с пietетом. Ей интересно, отличаются ли губы принца от губ любого другого человека. Откуда мне знать? Я пробовала лишь принцев.

С тех пор как люди убили нашу богиню, Кето, забирать сердца в месяц своего рождения стало традицией. Это праздник жизни, дарованной нам Кето, и отмщение за жизнь, которой ее лишили люди. Пока я была слишком мала для охоты, за меня, как и принято, охотилась мать. И она всегда выбирала принцев. Порой совсем юных, как я. Порой старых и морщинистых или средних детей без единого шанса на корону. К примеру, у правителя Армонии¹ было шестеро сыновей, и на мои первые дни рождения мама приводила их по одному в год.

Когда в конце концов я стала достаточно взрослой, чтобы справиться в одиночку, то даже не подумала отказаться от королевских отпрысков и нацелиться на моряков, как прочие сирены, или охотиться на принцев, которые вот-вот взойдут на престол. Я верно следую традициям своей матери.

— Ты ракушку захватила? — спрашиваю я.

Раздвинув волосы, Калья показывает оранжевую ракушку, закрепленную на шее. Похожая, только на несколько оттенков кровавее, болтается и на моей.

¹ Armonia — *греч.* «гармония».

Выглядят они так себе, но через них нам проще всего общаться. Прижмешь ракушку к уху — и услышишь шум океана и песнь подводного дворца Кето, который мы зовем домом. Если мы разделимся, для Кальи это станет картой к морю Дьяволос. Мы далеко от своего королевства и добирались сюда почти неделю. Калье четырнадцать, потому она предпочитает держаться поближе к дворцу, но я решила, что пора это изменить, и поскольку я принцесса, мои прихоти исполняются столь же рьяно, как законы.

— Мы не разделимся, — уверяет Калья.

В обычное время я бы не возражала, если бы одна из моих кузин осталась в чужом океане. В целом они утомительны и предсказуемы, и почти начисто лишены амбиций и воображения. После смерти тети они превратились в восторженных прислужниц моей матери. Нелепость, ибо Морской королевой нельзя восторгаться. Ее нужно бояться.

— Не забудь выбрать кого-то одного, — наставляю я. — Не теряй концентрацию.

Калья кивает и тут же спрашивает:

— А кого именно? Или он споет мне при встрече?

— Петь там будем только мы. И очаруем всех, но если сосредоточишься на ком-то одном, он влюбится в тебя столь отчаянно, что, даже когда начнет тонуть, будет кричать лишь о твоей красоте.

— Обычно чары рушатся, когда они начинают умирать, — говорит Калья.

— Это если воздействовать на всех — тогда в глубине души каждый будет сознавать, что не он единственный властитель твоего сердца. Хитрость в том, чтобы желать их так же сильно, как они желают тебя.

— Но они отвратительны! — возмущается Калья, но, похоже, лишь пытается убедить меня, что правда так думает, а на самом деле сама себе не верит. — Как можно их желать?

— Легко, ибо сегодня тебя ждут не только моряки, но и королевские особы со своей силой. А сила всегда желанна.

— Королевские? — изумляется Калья. — Я думала...

Она замолкает. Она думала, что принцы мои и я не делюсь. Это правда, но рядом с принцами всегда можно найти королей и королев, а меня они никогда не интересовали. Правителей недолго свергнуть. И только в принцах есть особая прелест. В их юности. В верности своему народу. В том, кем они должны стать. Они — следующее поколение правителей, и, убивая их, я убиваю будущее. Точно как учила меня мать.

Я беру Калью за руку:

— Можешь забрать королеву. Мне неинтересно прошлое.

Глаза ее сияют. Правый — знакомыми мне сапфирами Дьяволоса, а левый — кремовой желтизной, едва отличимой от белого, и ликующими ис-

Александра Кристо

корками. Похитив королевское сердце к своему пятнадцатилетию, Калья наверняка заслужит помилование от вечной ярости моей матери.

— А ты заберешь принца, — говорит она. — С милым лицом.

— Его лицо значения не имеет. — Я отпускаю ее ладонь. — Мне нужно его сердце.

— Так много сердец, — с трепетом тянет Калья. — Скоро у тебя не останется для них места в комнате.

Я облизываю губы.

— Возможно. Но у принцессы должен быть свой принц.

Корабль под моими пальцами шершавый. Дерево раскололось, краска потрескалась и облезла по всему корпусу. Воду он разрезает очень неровно. Будто тупой нож: давит и рвет, пока не разделит на части. Местами доски прогнили, и я морщусь от вони.

Это корабль нищего принца.

Не все королевские особы одинаковы. Одни обряжены в богатые тряпки и так увешаны тяжеленными драгоценностями, что тонут в два раза быстрее. Другие одеты скучно и могут позволить себе лишь пару колец да бронзовую корону, окрашенную под золото. Вот только для меня это неважно. В конце концов, принц он и есть принц.

Бок о бок мы с Кальей плывем наравне с расекающим море кораблем. Он идет с устойчивой скоростью, которую мы без труда поддерживаем, предвкушая миг, когда люди станут добычей. Это мучительное ожидание. Наконец на палубе появля-